

Л. Г. Пшеничниковъ.

Русскіе въ Прибалтійскомъ краѣ.

(Историческій очеркъ).

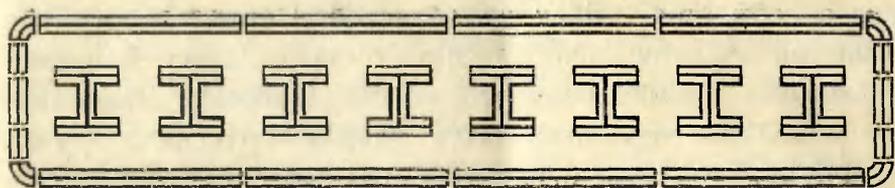
Издание рижскаго національнаго клуба
„РУССКАЯ БЕСѢДА“.

РИГА, 1910 г.

Ex. A

Типографія Н. А. Нитавскаю, Рига, Гертрудинская ул. № 14.

I.

Съ давнихъ поръ, чуть ли не съ основанія русскихъ княжествъ, установились сношенія между русскими и населявшими Балтійское поморье народностями: литовскими племенами латышской вѣтви: земголой, куронами, вендами и друг., и эстонскими: ливами, чудью и проч. Русскіе славяне еще въ то время вели съ этими племенами торговлю, подчиняли ихъ своей власти, брали съ нихъ небольшую дань, строили города и служили здѣсь проводниками русской государственности и культуры. О существовавшемъ русскомъ влияніи, хотя бы на латышскія племена, можно убѣдиться, напр., по руссизмамъ, перешедшимъ въ латышскую рѣчь, главнымъ образомъ, въ опредѣленіи религиозныхъ понятій.

Приходъ нѣмцевъ въ Ливонію нарушилъ связь этого Балтійскаго поморья съ русско-славянскими княжествами, но не заставилъ послѣднихъ отказаться отъ сложившагося сознанія близости Прибалтійскаго края къ Русской Землѣ и естественнаго тяготѣнія его къ послѣдней. Это сознаніе жило не только въ умахъ отдѣльныхъ русскихъ патріотовъ, но поддерживалось и русскими правителями, старавшимися при всякомъ удобномъ случаѣ напомнить рыцарскому ордену и рижскому архіепископу, что Ливонія есть исконная вотчина русскихъ властителей. Прошли долгіе, безпокойные годы княжескихъ усобицъ на Руси, миновала тяжелая пора татарскаго ига, и Русь, собравшись вокругъ Москвы, властно потребовала воз-

врата себѣ прибалтійскихъ областей. Первая энергичная попытка въ этомъ направленіи была сдѣлана Іоанномъ Грознымъ, а выполнена эта задача Петромъ Великимъ.

Въ 1710 году палъ подъ ударами русскаго оружія важнѣйшій оплотъ шведскаго владычества въ Прибалтійскомъ краѣ—торговый городъ Рига. Черезъ одиннадцать лѣтъ шведы отказались отъ Эстляндіи и Лифляндіи. Въ концѣ царствованія Екатерины II добровольно приняло руссійское подданство вассальное герцогство Курляндія. Такимъ образомъ нѣкогда отторгнутыя отъ Россіи области вновь соединились съ нею подъ скипетромъ Россійскихъ Императоровъ.

II.

Совершившееся въ Великую Сѣверную войну соединеніе края съ Россіей уже тогда могло бы дать въ немъ видное мѣсто общегосударственнымъ началамъ, если бы императоръ Петръ Великій при завоеваніи Прибалтійскаго края не ограничился только механическимъ соединеніемъ новой области съ Имперіей, а озаботился бы немедленнымъ созданіемъ органической связи между коренной Россіей и Прибалтикой. Къ сожалѣнію, Петромъ I этого сдѣлано не было.

Мѣстное коренное населеніе, латыши и эсты, въ первое по завоеваніи края время, почти не почувствовало переменъ государственной власти, ибо мѣстными администраторами оставались тѣ же землевладѣльцы, тѣ же помѣщики - нѣмцы, то же сословіе, которое управляло ими и при польскомъ, и при шведскомъ владычествѣ, и еще раньше, во времена буйнаго, полуразбойничьяго, полумонашескаго ордена меченосцевъ.

Не имѣя съ коренной Россіей ни административной, ни культурной связи, Прибалтійскій край надолго былъ какъ бы отдѣленнымъ непроницаемой стѣной отъ всей

Россіи. Русская культура и языкъ долгое время находились здѣсь въ полнѣйшемъ пренебреженіи, а на самихъ русскихъ, поселившихся въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, мѣстные нѣмцы смотрѣли почти какъ на иностранцевъ. Лишь шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ, не болѣе, правительство обратило, наконецъ, серьезное вниманіе на ненормальность такого порядка на своей западной окраинѣ.

III.

Поселившись въ Ливоніи въ концѣ XII вѣка, нѣмцы мало-по-малу стали вытѣснять русскихъ изъ края, и къ 1224 году совершенно завладѣли Лифляндіей и восточной Курляндіей; Эстляндія же къ этому времени была занята датчанами. Не смотря на это, связь русскихъ съ мѣстными племенами окончательна не порвалась. Она поддерживалась въ пограничныхъ съ Псковомъ и Полоцкомъ областяхъ, т. е. по Чудскому побережью, въ Инфлянтахъ (нынѣшніе три уѣзда Витебской губерніи: Двинскій, Люцинскій и Рѣжицкій) и въ восточной части Курляндіи. Эти сношенія продолжались и въ польскія и датскія времена. Въ извѣстномъ сочиненіи Ю. О. Самарина о Прибалтійскомъ краѣ приводятся интересные факты религіозной близости мѣстныхъ крестьянъ съ русскими. Такъ, жители Венденскаго уѣзда имѣли обыкновеніе, по три раза въ годъ, отправляться въ яacobштадтскую православную церковь для служенія молебновъ. Затѣмъ латыши и эсты ежегодно приходили молиться въ православный Печерскій монастырь (на границѣ Псковской и Лифляндской губерній). Въ иныхъ мѣстностяхъ прибалтійскіе крестьяне ходили къ православнымъ священникамъ за святой водой и т. п. Даже сами рыцари и архіепископъ иногда пользовались услугами русскихъ, напр., у нихъ служилъ областнымъ судьей и военачальникомъ удѣльный князь Владиміръ Борисовичъ, изгнанный изъ Пскова.

Съ присоединеніемъ къ Россійскимъ владѣніямъ Лифляндіи и Эстляндіи русскіе стали интенсивно переселяться сюда изъ-за прежде запрещеннаго пограничнаго рубежа, занимая земли вокругъ Чудского озера, полосу къ сѣверу и югу отъ него, разселяясь по мѣстности, составляющей нынѣ Иллуцтскій и Якобштадтскій уѣзды. Болѣе предприимчивые, въ особенности торговый людъ, потянулись къ торговому центру, къ устью Двины, въ Ригу. Русская колонизація здѣшняго края была особенно сильна въ царствованія Анны Іоанновны и Екатерины II; вообще же замѣтно продолжалась до шестидесятихъ годовъ прошлаго столѣтія.

Главный контингентъ пришельцевъ давали губерніи: Тверская, Ярославская, Смоленская, Псковская, Витебская, затѣмъ шли: Тульская, Калужская, Ковенская, Московская. Одни переселялись на новыя мѣста легальнымъ путемъ: купцы и мѣщане съ согласія общества, крестьяне, выкупаясь или уходя на оброкъ, офицеры, солдаты, оставаясь здѣсь на постоянное жительство; другіе, и такихъ было подавляющее число, бѣжали съ родины тайно, спасаясь отъ притѣсненій правительства, жестокостей помѣщика, убѣгая отъ тюрьмы и кнута, а также рекрутчины. (До Павла I губерніи Прибалтійскаго края не несли рекрутской повинности).

Нынѣшніе русскіе жители Иллуцты, Гривы, Танаи, Якобштадта, Скрудалины, Боровокъ, Червонки, Курляндской губ., Чернаго Посада, Лифляндской губ., а также коренные обыватели рижскаго Московскаго форштадта—все потомки первыхъ поселенцевъ. Здѣсь русское населеніе почти сплошь старообрядческое. Почему же сложилась такая группировка? Несомнѣнно, что въ Прибалтійскій край бѣжало, скрываясь отъ преслѣдованій, не мало старообрядцевъ, но сюда приходило довольно много и православныхъ. Преобладаніе старообрядчества слѣдуетъ объяснить отчасти тѣмъ, что православные поселенцы, не имѣя ни церквей, ни вообще духов-

наго руководительства, волей-неволей подпадали подъ вліяніе старообрядцевъ, несомнѣнно, имѣвшихъ въ своей средѣ грамотныхъ начетчиковъ, силой обстоятельствъ явившихся общимъ духовно-нравственнымъ центромъ новоселовъ. Даже въ Ригѣ, гдѣ были православныя церкви, старообрядчество свило себѣ прочное гнѣздо и до пятидесятихъ годовъ прошлаго столѣтія численно преобладало надъ православными.

Уже въ срединѣ XVIII столѣтія въ Прибалтійскомъ краѣ было довольно значительное число русскихъ поселенцевъ. Отчетъ особой комиссіи, организованной въ 1740 году для отысканія русскихъ бѣглецовъ, скрывшихся въ губерніи Прибалтійскаго края, констатируетъ присутствіе на мызахъ Лифляндіи и Эстляндіи „не малаго количества“ бѣглыхъ русскихъ, которыхъ власти не рѣшались выселять по мѣсту родины по той причинѣ, что не желали обезлюдить тѣхъ имѣній, гдѣ бѣглецы нашли себѣ пріютъ.

Главнымъ притономъ бѣглыхъ русскихъ, впрочемъ, были не Лифляндія и Эстляндія, гдѣ власти все же выдавали бѣглыхъ. Толпы русскихъ крестьянъ направлялись въ Курляндское герцогство, гдѣ помѣщики, пользуясь слабостью своего правительства, охотно принимали и укрывали русскихъ бѣглецовъ.

Первую попытку опредѣлить численность русскихъ выходцевъ, поселившихся въ Курляндіи, сдѣлалъ лифляндскій и эстляндскій генераль-губернаторъ генераль-аншефъ Броунъ въ 1783 году. Жалуясь императрицѣ Екатеринѣ II на то, что курляндское герцогское правительство не выдаетъ ему лифляндскихъ бѣглецовъ, что оно должно было дѣлать согласно трактату, заключенному въ 1660 году, Броунъ писалъ: „бѣглый, попадая въ Курляндію, тонетъ тамъ, какъ въ морѣ, пропадая безслѣдно“. Тогда русское правительство поручило своему министру при курляндскомъ дворѣ сдѣлать герцогу надлежащее представленіе. Результатомъ всего этого яви-

лась попытка переписать пришлое русское населеніе Курляндіи и Семигалии. Въ началѣ 1783 года небольшая русская воинская команда вышла изъ Риги въ Митаву, оттуда въ Гольдингенъ, Туккумъ, арестовывая по пути безпаспортныхъ, но когда солдаты стали подходить къ Якобштадту, то здѣсь, вокругъ Якобштадта, и вверху по Двинѣ, въ нынѣшнемъ Илукстскомъ уѣздѣ, обнаружили такое множество русскихъ безпаспортныхъ, что объ арестованіи ихъ не могло быть и рѣчи. Начальнику команды все же удалось переписать около 5,000 человѣкъ, послѣ чего онъ съ солдатами возвратился въ Лифляндію, потерявъ въ походѣ двухъ нижнихъ чиновъ, которые, по всей вѣроятности, увеличили собою число русскихъ поселенцевъ въ Курляндіи.

Русскіе выходцы, основавшіе въ Прибалтійскомъ краѣ поселки, жили особнякомъ и удержали свою вѣру, языкъ и обычаи. Не то случилось съ отдѣльными личностями, попавшими въ среду инородцевъ: такіе поселенцы, по большей части, съ теченіемъ времени теряли свою національность. И теперь еще можно встрѣтить инородцевъ съ чисто русскими фамиліями: напр., на островѣ Эзелѣ есть семья эстовъ, носящая фамилію Кожемятникова; въ Курляндской губерніи встрѣчаются латыши съ фамиліями Ивановъ, Петровъ, нѣмцы—Ветчиниковъ и т. п.

Русскіе крестьяне, селившіеся на земляхъ балтійскихъ помѣщиковъ, становились къ этимъ помѣщикамъ въ тѣ же правовыя отношенія, какъ и мѣстные крестьяне. Русскіе выходцы, основавшіе свои колоніи въ городахъ или образовавшіе самостоятельные поселки, получали особое управленіе, отдѣльное отъ прочаго населенія. Такою русскою колоніей былъ, на примѣръ, Московскій форштадтъ—пригородъ Риги. (Въ самомъ городѣ Ригѣ русскимъ, при господствѣ въ краѣ нѣмцевъ, селиться и торговать было запрещено).

IV.

Какъ ни странно, наше законодательство, по завоеваніи края, отвело въ немъ русскому населенію мѣсто какъ бы инородцевъ. Петръ Великій далъ русскимъ поселенцамъ рижскаго Московскаго форштадта особый судъ и администрацію, подчинивъ ихъ непосредственно президенту рижскаго магистрата, русскому же, впрочемъ, человѣку, Ильѣ Исаеву. Въ 1730 году Анна Іоанновна отмѣнила должность президента, оставивъ русскимъ рижанамъ прежнее самоуправленіе, подчинивъ ихъ дворцовому вѣдомству и непосредственному вѣдѣнію мѣстнаго генераль-губернатора. А затѣмъ почти до конца XVIII столѣтія никакихъ реформъ въ системѣ управленія русскимъ населеніемъ не было.

Русскіе поселки въ это время гложутъ въ невѣжествѣ, живутъ въ бѣднотѣ и заброшенности. Исключеніе представляютъ развѣ русскіе, поселившіеся въ Ригѣ, сумѣвшіе даже при этихъ крайне неблагопріятныхъ условіяхъ выдѣлится изъ своей среды сословіе купцовъ, торговые обороты которыхъ съ мѣстными нѣмецкими купцами достигали крупныхъ размѣровъ. Но, не смотря на это, мѣстная власть не хотѣла признавать за русскими купцами тѣхъ правъ, коими пользовались ихъ коллеги—нѣмцы.

А власть въ краѣ до половины XIX столѣтія почти цѣликомъ сосредоточивалась въ рукахъ нѣмцевъ—помѣщиковъ и нѣмцевъ—горожанъ. Имъ принадлежала: административная, судебная, школьная и даже церковная власть, ибо мѣстная лютеранская церковь, говоритъ Ю. О. Самаринъ, по своей организаціи, была такъ тѣсно связана съ учрежденіями дворянства, что составляла въ Лифляндіи не болѣе, какъ особое отдѣленіе, или департаментъ его. То же самое можетъ быть отнесено и къ остальнымъ губерніямъ Прибалтійскаго края.

V.

Положеніе крестьянъ Прибалтійскаго края было тяжело, чѣмъ русскихъ крѣпостныхъ. Гарлибъ Меркель въ своей книгѣ: „Латыши, преимущественно въ Лифляндіи, въ концѣ философскаго столѣтія“, описывая депотическій произволь лифляндскихъ помѣщиковъ надъ крестьянами, говоритъ: „Если ему (помѣщику) вздумается, онъ можетъ распоряжаться самовольнѣ всякаго государя въ Европѣ: онъ превращаетъ домохозяина въ батрака при собственномъ его дворѣ, а батрака въ домохозяина. Пожелай онъ, цѣлыя семьи должны оставить свои обиталища и уступить свои дома чужимъ. Пожелай онъ, и молодой крестьянинъ долженъ промѣнять свой зипунъ на мундиръ и итти на войну, ибо его господинъ уже получилъ цѣну его крови...“ Какъ извѣстно, населеніе Прибалтійскаго края до 1797 года не отбывало рекрутской повинности, но предприимчивые помѣщики продавали крестьянъ, русскихъ подданныхъ, въ рекруты за границу.

Тяжелое положеніе мѣстныхъ крестьянъ констатируетъ также лифляндскій и эстляндскій генералъ-губернаторъ Броунъ въ официальной рѣчи, обращенной въ 1765 году къ прибалтійскому дворянству: „За крестьянами не признается рѣшительно никакой собственности, ниже въ томъ, что они зарабатываютъ себѣ потомъ и кровію“. Злоупотребленія помѣщицъей властью обратили вниманіе императрицы Екатерины II, которая предписала Броуну предложить дворянству „отмѣнить эти безчинства“ и обезпечить бытъ латышей и эстовъ опредѣленнымъ закономъ. Дворяне прибѣгли къ „отпискѣ“, называя клеветою указанія на тяжелое положеніе ихъ крестьянъ. Однако, въ концѣ концовъ принуждены были произвести кой-какія реформы въ узаконеніяхъ о мѣстныхъ крестьянахъ. Но реформы были такъ незначительны, что совершенно не улучшили быта крестьянъ.

ства, да и эти новыя положенія дворянство рѣдко исполняло.

Не успѣвъ провести крестьянской реформы въ Прибалтійскомъ краѣ, Екатерина II зато осуществила здѣсь двѣ другихъ важныхъ реформы. Въ 1783 году, не смотря на противодѣйствія дворянства, въ Прибалтійскомъ краѣ было введено положеніе 7 апрѣля 1775 г. объ управленіи губерніями, т. е. губерніи прибалтійскія были преобразованы по типу остальныхъ руссійскихъ. Мѣстное дѣлопроизводство по прежнему осталось на нѣмецкомъ языкѣ, исключая сношенія съ казенной палатой; губернскому же правленію въ сношеніяхъ съ Петербургомъ было предписано пользоваться русскимъ языкомъ.

Еще важнѣе было введеніе въ краѣ общегородового положенія. Эта реформа была введена въ дѣйствіе въ городахъ Прибалтійскаго края въ 1785 году; она дала возможность русскимъ принять участіе въ городскомъ управленіи и вообще расширила ихъ права. До 1785 г. въ городахъ Прибалтійскаго края существовало крайне стѣснительное для русскихъ (и вообще нѣмцевъ) торговое право и цеховое устройство. До введенія городского положенія правомъ безпрепятственной торговли въ Прибалтійскомъ краѣ пользовались только „граждане“, къ которымъ русскихъ не причисляли. „Неграждане“ могли торговать только оптомъ и должны были продавать свой товаръ лишь купцамъ-гражданамъ. Ремесленная дѣятельность „негражданъ“ была обставлена также очень стѣснительными регламентациями. Можно себѣ представить, какъ были стѣснены русскіе купцы и ремесленники, если среди самихъ нѣмцевъ царившіе стѣснительные средневѣковые порядки порождали неудовольствія. Мясники, напр., не могли въ чужомъ городѣ закупать скоть. Слесарь жаловался на кузнеца, если тотъ у кого-либо починилъ замокъ и т. д. Дѣло доходило даже до того, что мѣстные извозчики заявляли пре-

тензи на то, что воинскія команды, проходя по Прибалтійскому краю, возятъ кладъ на своихъ лошадяхъ. Городовое положеніе отмѣнило для русскихъ особый судъ и управу, дало имъ представительство въ шестигласной думѣ и предоставило право безпрепятственно записываться въ мѣстные купцы и ремесленники.

Итакъ, къ концу царствованія императрицы Екатерины II во всемъ Прибалтійскомъ краѣ дѣйствовали одинаковыя со всей Имперіей земскія и городскія учрежденія. Этимъ устранялось въ значительной степени обособленность края отъ всей страны.

Но преемникъ императрицы, императоръ Павелъ I, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ ея смерти отмѣнилъ для Прибалтійскаго края дѣйствія положенія о губерніяхъ и общаго городского положенія, послѣ чего прибалтійскія губерніи снова вернулись къ старому устройству земскаго и городского управления.

VI.

Съ отмѣной городского положенія русскимъ рижанамъ стало даже хуже, чѣмъ было до 1785 года, ибо ихъ теперь всецѣло подчинили магистрату, который немедленно возбудилъ ходатайство объ исключеніи изъ числа гражданъ тѣхъ русскихъ, которые записались въ граждане во время дѣйствія городского положенія. Это ходатайство, впрочемъ, уважено не было. Недовольные своимъ положеніемъ русскіе купцы и ремесленники стали ходатайствовать передъ мѣстнымъ и петербургскимъ начальствомъ объ уравнии ихъ въ правахъ съ нѣмецкими купцами и ремесленниками, но проходили годы, а русскіе все были въ загонѣ. Только одинъ изъ прибалтійскихъ генераль-губернаторовъ, Е. А. Головинъ (съ 1845 г. по 1848 г.), ставши на сторону русскаго населенія Прибалтійскаго края, возбудилъ передъ правитель-

ствомъ вопросъ о томъ, чтобы въ Ригѣ русскимъ дали „хотя бы такія права, какими евреи пользуются въ Варшавѣ и татары въ Казани“. Головинъ былъ вскорѣ смѣщенъ.

Въ тогдашнемъ рижскомъ городскомъ канцелярскомъ дѣлопроизводствѣ существовалъ для обозначенія русскихъ купцовъ даже особый терминъ. Писалось: „купецъ Зоммеръ“ и „русскій купецъ Евграфовъ“,—это значило, что первый былъ гильдейскій, нѣмецъ, а второй—русскій, которому дозволялось торговать лишь на Московскомъ форштадтѣ, только въ опредѣленное время, строго опредѣленнымъ товаромъ, на точно опредѣленную сумму. Современные мемуары изобилуютъ фактами до непонятности придиричаваго отношенія нѣмцевъ къ русскимъ. Такъ, рижское цеховое правленіе принудило одного русскаго сѣдельника выселиться изъ дома своего отца, телѣжника, подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ, живя вмѣстѣ съ отцомъ, можетъ, вопреки цеховому уставу, помогать ему. (См. „Зап. риж. старожила“, „Риж. В.“ за 1876 г.). Въ другомъ случаѣ цеховой судъ сдѣлалъ выговоръ булочному мастеру за то, что тотъ не продалъ по таксъ, а подарилъ два хлѣба бѣдному русскому.

Такъ продолжалось до 1876—8 годовъ, когда въ городахъ Прибалтійскаго края было введено общее городское положеніе 1870 года.

VII.

Въ 1803 году лифляндскому ландтагу и особому комитету въ Петербургѣ было Высочайше повелѣно приступить къ выработкѣ новаго положенія о крестьянахъ Лифляндской губерніи. Черезъ годъ новыя положенія были опубликованы. Въ главныхъ чертахъ они установили слѣдующее: крестьяне Лифляндской губер-

ни остаются крѣпостными, но продажа ихъ запрещена; нельзя переселять крестьянина безъ его согласія; за работы, не входящія въ кругъ сельскихъ занятій, плата — по соглашенію; крестьянскіе выборные входятъ въ составъ членовъ приходскихъ и уѣздныхъ судовъ, которые, между прочимъ, распредѣляютъ рекрутскую повинность; крестьяне имѣютъ право покупать землю въ собственность; барщина ограничивается двумя днями въ недѣлю. Одновременно была сдѣлана попытка привести крестьянскія повинности въ соотвѣтствіе съ цѣнностью земли; для этой цѣли были составлены т. н. вакенбухи съ описаніемъ земельныхъ участковъ и перечнемъ лежащихъ на нихъ повинностей. По примѣру лифляндскаго положенія 1804 года, въ концѣ того же года было издано положеніе о крестьянахъ Эстляндской губерніи. Курляндская губернія осталась въ сторонѣ.

Предполагалось, что положеніе 1804 года оградить прибалтійскихъ крестьянъ отъ гнета помѣщиковъ; но такъ какъ крестьянскія повинности положеніемъ точно опредѣлены не были (законодатель какъ бы полагался въ данномъ случаѣ на обоюдное согласіе заинтересованныхъ лицъ, на возможность судебной защиты пострадавшихъ интересовъ: въ числѣ засѣдателей мѣстныхъ судовъ находились вѣдь представители обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ), то это положеніе не помѣшало болѣе сильной, экономически, сторонѣ, иѣмцамъ, обратить установленныя новымъ закономъ права крестьянъ въ простую фикцію. Судебная защита крестьянскихъ интересовъ оказалась невозможной прежде всего потому, что въ засѣдатели — крестьяне фактически избирались лишь тѣ, которые были желательны помѣщику. Во время засѣданій крестьянъ-судей ни о чемъ не спрашивали, едва удостоивая ихъ чести подписывать дѣла и милостиво позволяя имъ подавать засѣдателямъ помѣщикамъ и писарю чернила, перья, отворять двери входящимъ и выходящимъ господамъ, а во время перерыва

даже чистить писарю сапоги. Жаловаться на такіе порядки крестьянину было некуда: всякая жалоба должна была проходить черезъ вотчинное полицейское правленіе, главную роль въ которомъ игралъ мѣстный помѣщикъ.

Наконецъ, обострившіяся отношенія крестьянъ и помѣщиковъ были разрѣшены освобожденіемъ прибалтійскихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Освобожденіе крестьянъ Эстляндской губерніи произошло въ 1816 году, Курляндской въ 1817 году и Лифляндской въ 1819 году. Но дворянство всѣхъ трехъ прибалтійскихъ губерній удержало при этомъ за собой земельныя владѣнія на полномъ правѣ собственности; такимъ образомъ крестьяне Прибалтійскаго края, при освобожденіи своемъ отъ крѣпостной зависимости, не получили земельного надѣла, какъ это было впоследствии въ коренной Россіи. Освобожденные безъ земли прибалтійскіе крестьяне выиграли немного: не имѣя земли, ни права безъ разрѣшенія ближайшей власти (каковою попрежнему остался помѣщикъ) отлучаться изъ своей волости, мѣстный крестьянинъ долженъ былъ силою вещей итти къ тому-же помѣщику просить земли и работы. Результаты новаго положенія сказались скоро: въ краѣ стали обнаруживаться голодовки и связанные съ ними безпорядки. Правительственные агенты, прибывавшіе въ край для ревизіи, впервые, кажется, раскрыли передъ высшею властью всю неприглядную сторону взаимоотношеній сословій въ Прибалтійскомъ краѣ. Въ 1845 году тогдашній тов. министра внутреннихъ дѣлъ И. Г. Сенявинъ по объѣздѣ Лифляндской губерніи донесъ слѣдующее: „Не смотря на личную свободу, крестьяне находятся здѣсь въ полной зависимости отъ дворянства и, сравнительно, состояніе ихъ сдѣлалось гораздо хуже, чѣмъ оно было въ 1804 году“. Это самое позже (въ 1860 году) подтвердилъ въ одномъ изъ журнальныхъ постановленій Государственный Совѣтъ, выразившись: „Отъ этого новаго

порядка благосостояніе лифляндскихъ крестьянъ примѣтно пришло въ упадокъ“.

Терпя крайнюю нужду и вслѣдствіе этого по временамъ давая о себѣ знать мѣстными волненіями, прибалтійскіе крестьяне, очевидно, искали выхода изъ тупика, въ который они попали съ полученіемъ личной свободы. Разрѣшить вопросъ самому крестьянству было не по силамъ. Между тѣмъ ни одно дворянско-нѣмецкое установленіе, включая сюда и лютеранскую церковь, не привлекало сердце эстовъ и латышей и не давало имъ питать даже самыхъ скромныхъ надеждъ. Естественно, что при такихъ условіяхъ прибалтійское крестьянство стало возлагать сначала робкія, а потомъ и рѣшительныя надежды на русское правительство и народъ, что и выразилось въ 1841 году въ массовомъ стремленіи лютеранъ-латышей и эстовъ перейти въ православіе, въ царскую вѣру, какъ они тогда говорили.

VIII.

Въ настоящее время можно безусловно присоединиться къ первому изъ трехъ мнѣній, приводимыхъ Ю. О. Самаринымъ въ его извѣстномъ сочиненіи, т. е., что въ основѣ внезапнаго движенія эстовъ и латышей въ лоно православной церкви лежала потребность духовнаго свойства, совершенно искренняя, но нельзя отрицать, что къ ней примѣшивались разнаго рода социальныя побужденія, главныя изъ нихъ — улучшение матеріальной обстановки. Мѣстные же помѣщики и власти усмотрѣли въ религіозномъ движеніи крестьянъ слѣдствіе соблазнительнаго подговора какихъ-то неуловимыхъ подстрекателей, а виновникомъ мнимой закулисной махинаціи выставили рижскаго викарнаго епископа Иринарха. Исканіе „царской вѣры“ было объявлено бунтомъ, преосвященнаго Иринарха и приближенныхъ къ

нему священниковъ выслали изъ предѣловъ края, а крестьянъ, заподозрѣнныхъ въ желаніи перейти въ православіе, стали сѣчь, брить имъ головы, сажать въ тюрьмы и даже ссылать въ Сибирь.

Въ этомъ печальномъ дѣлѣ приложилъ свою сильную руку тогдашній шефъ жандармовъ Бенкендорфъ, большой другъ мѣстнаго генераль-губернатора барона Палена. Оба друга находились въ тѣсныхъ отношеніяхъ съ кружкомъ сановниковъ изъ прибалтійскихъ нѣмцевъ, получившимъ кличку: „министерство остзейскихъ дѣлъ“. Баронъ Паленъ долгое время держалъ петербургское правительство въ заблужденіи относительно истинной причины крестьянскаго броженія въ Прибалтійскомъ краѣ; наконецъ и онъ принужденъ былъ сознаться, что положеніе прибалтійскихъ крестьянъ невозможное, что подтвердили и правительственные чиновники, объѣзжавшіе край. Тогда повелѣно было составить новое положеніе о крестьянахъ прибалтійскихъ губерній, которое и вошло въ законную силу въ 1849 году. Положеніе 1849 г. нѣсколько улучшило судьбу эстовъ и латышей, такъ напр., имъ было предоставлено право арендовать казенные участки. (Въ 1860 году это положеніе было нѣсколько измѣнено).

Вмѣстѣ съ тѣмъ императору Николаю I благоугодно было заявить, что переходъ въ православіе никому не запрещается; при этомъ предложено было также объявить мѣстнымъ крестьянамъ, что этотъ переходъ не влечетъ за собой никакихъ имущественныхъ выгодъ. Для утвержденія новоприсоединенныхъ въ правилахъ вѣры и для удовлетворенія ихъ религіозныхъ нуждъ повелѣно было учредить въ краѣ православные приходы, которые и стали открываться съ 1846 года, когда насчитывалось уже около 100,000 православныхъ латышей. Въ 1850 г. была учреждена самостоятельная рижская епархія, а за три года до этого рижское духовное училище переименовано въ семинарію.

IX.

Переходъ въ православіе никогда не связывался для прибалтійскихъ крестьянъ съ какими-либо выгодами, а, наоборотъ, обычно влекъ за собой матеріальныя жертвы. Мѣстные помѣщики оказывали на „неблагонадежныхъ“ въ вѣроисповѣдномъ отношеніи крестьянъ экономическое давленіе предоставленіемъ имъ худшихъ надѣловъ, уменьшеніемъ заработной платы; пасторы съ кафедръ издѣвались надъ новоприсоединенными, называя православную церковь сатанинскимъ насажденіемъ. „До какой степени, во всѣхъ отношеніяхъ, интригуютъ противъ перешедшихъ въ православіе!“ писалъ нѣмецъ-адвокатъ въ 1847 году (см. Ю. Самарина „Православные латыши въ 1841—42 гг.“). „Люди, которымъ, во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, нельзя отказать въ полномъ уваженіи, на этой почвѣ, оказываются несправедливѣйшими и безсовѣстнѣйшими. Достаточно сказать: „этотъ — изъ перешедшихъ“, и затѣмъ, хотя бы онъ былъ очевидно правъ, это ему нисколько не поможетъ; въ словѣ „изъ перешедшихъ“ произнесенъ ему смертный приговоръ“.

Подобно пасомымъ, сама православная церковь проходила здѣсь тяжелый путь нужды, лишеній и униженій. Это трудное для православныхъ прибалтійцевъ время продолжалось, приблизительно, съ 1846 года до конца шестидесятыхъ годовъ и даже дольше. Тогдашній рижскій архіепископъ Платонъ такъ описываетъ состояніе православныхъ храмовъ на Балтійскомъ поморьѣ. „Епархія имѣетъ нужду во всемъ: и въ святыхъ иконахъ, и въ богослужебныхъ книгахъ, священныхъ облаченіяхъ, церковной утвари. Нѣтъ храмовъ. Богослуженіе, по необходимости, совершается въ частныхъ зданіяхъ, вовсе неприличныхъ для священнодѣйствія. Напр., въ Туккумѣ церковь въ теченіе шестнадцати лѣтъ перекочевывала изъ дома въ домъ, была вынуждена помѣщаться въ домѣ, въ которомъ владѣлецъ его повѣсился,—была вынуждена

потому, конечно, что некому другому было отдать этотъ домъ внаймы. Бѣдность невозможная. Гольдингенская церковь въ теченіе семнадцати лѣтъ помѣщалась въ наемныхъ домахъ, почти исключительно у евреевъ. Однажды она помѣщалась въ такомъ убогомъ еврейскомъ домикѣ, рядомъ съ хлѣвомъ, что если наберется человѣкъ десять, то въ ней по духотѣ и тѣсотѣ нельзя было стоять...“

Власти не отводили въ городахъ и мѣстечкахъ земли подъ постройку церкви, прикрываясь невозможностью найти свободный участокъ. На жалобы мѣстнаго архіепископа генераль-губернаторъ ограничивался канцелярской отпиской, которая ни на іоту не подвигала дѣла впередъ. Дошло, наконецъ, до того, что въ мѣстечкѣ Тальсенѣ, Курляндской губерніи, гауптманъ (уѣздный начальникъ) конфисковалъ печатныя посланія преосвященнаго Платона.

Соціальный гнетъ, примѣненный помѣщиками къ православнымъ латышамъ и эстамъ, стѣсненія, испытываемыя самой православной церковью, привели къ тому, что въ шестидесятыхъ годахъ возникло обратное движеніе православныхъ эстовъ и латышей изъ православія въ лютеранство. Къ чести русскаго общества нужно сказать, что оно не осталось глухо къ бѣдственному положенію прибалтійской епархіи: въ обѣихъ столицахъ открылся сборъ пожертвованій для мѣстной церкви и паствы. Въ пожертвованіяхъ принимали участіе Высочайшія Особы. Для поддержанія православныхъ церквей Прибалтійскаго края въ Петербургѣ основалось Прибалтійское православное братство; отдѣленія этого братства открылись въ нѣкоторыхъ городахъ края, а при каѳедрѣ рижскаго архіепископа стало функционировать общество, извѣстное подъ названіемъ Рижскаго Петропавловскаго братства.

Не смотря на тяжелыя для православія условія, къ 1869 году въ рижской епархіи насчитывалось:

въ Лифляндской губ.	— 121	приходъ съ	165,113	прихож.
„ Курляндской „	— 14	„ „	8,952	„
„ Эстляндской „	— 7	„ „	4,120	„

Всего въ трехъ губерніяхъ было 142 прихода съ 178,185 прихожанами.

X.

Въ разноплеменной прибалтійской окраинѣ лучшимъ спаивающимъ социальнo-государственнымъ цементомъ могъ быть безспорно государственный языкъ. Распространеніе православія среди латышей и эстовъ въ значительной степени служило этой государственной цѣли: при церквахъ и вр. молитвенныхъ домахъ учреждались русскія школы грамотности. Но такъ какъ большая часть населенія исповѣдывала лютеранство, то вліяніе русскихъ церковно-приходскихъ школъ было не велико.

Нѣмецко-балтійская литература часто упоминаетъ о заслугахъ нѣмцевъ въ школьномъ дѣлѣ края. Историческая справка даетъ въ этомъ отношеніи слѣдующее. Завоевавъ Ливонію, нѣмецкое духовенство и рыцарство первоначально совершенно не заботилось о духовно-нравственномъ развитіи поработенной массы. До XVII вѣка у эстовъ и латышей не было даже признака школъ, и все крестьянское населеніе, по словамъ одного шведскаго официального документа, жило, какъ нѣмое животное, безъ разума и чести. Починъ открытія сельскихъ школъ въ краѣ принадлежитъ шведскому правительству, которое въ 1687 году предписало ливонскому дворянству содержать приходскія школы. Предписаніе это исполнялось помѣщиками крайне неохотно. Если шведскіе чиновники открывали школы на отнятыхъ у помѣщиковъ земляхъ, то дворяне назначали въ школьные учителя выслужившихъ срокъ поваровъ, лакеевъ, кучеровъ и т. п., если тѣ были хоть немного грамотными. Заботливые помѣщики часто при этомъ давали новоставленникамъ та-

кой совѣтъ: „Учи, учи ихъ, но не дѣлай только этихъ чертей умными и знай, что таблица умноженія дѣлаеть человѣка дерзкимъ и влечеть его къ побѣгу“.

Великая Сѣверная война надолго прервала нормальную жизнь въ странѣ. Съ присоединеніемъ прибалтійской области къ Россіи мѣстные помѣщики, пользуясь тѣмъ, что управленіе края почти было оставлено въ ихъ рукахъ, привели школьное дѣло къ тому, что къ началу XIX вѣка въ Лифляндіи и Эстляндіи сельскихъ школъ почти не было. Не отставала отъ этихъ губерній и Курляндія. Первый обратилъ серьезное вниманіе на эту аномалію императоръ Александръ Павловичъ, установившій, вмѣстѣ съ положеніемъ 1819 года, обязательное начальное обученіе для сельскаго населенія Прибалтійскаго края. Но, несмотря на это, вначалѣ школьное дѣло въ сельской части мѣстнаго края шло туго. Это можно заключить изъ того факта, что во всей Эстляндской губерніи до 1833 года было всего лишь 17 волостныхъ школъ.

Съ изученіемъ въ Остзейскомъ краѣ русскаго языка дѣло обстояло такъ. Императрица Екатерина II предписала (1784 г.) лифляндскому и эстляндскому генералъ-губернатору Броуну: „...чтобъ въ училищахъ тамошнихъ преподаваемъ былъ русскій языкъ, яко необходимо нужный и безъ котораго знаніе и употребленіе въ должности весьма неудобно“. Въ 1785 году повелѣно было учредить въ Ригѣ и Ревелѣ русскія училища, которыя и были открыты въ 1789 году подъ названіемъ „главныхъ народныхъ россійскихъ училищъ“ (при Александрѣ I они были преобразованы въ уѣздныя). Во всѣхъ нѣмецкихъ городскихъ, по тому времени далеко не малочисленныхъ, училищахъ русскій языкъ былъ предметомъ необязательнымъ до 1820 года, когда было введено его обязательное изученіе.

Заботы правительства объ изученіи русскаго языка въ краѣ становятся болѣе значительными съ 1827 года,

когда императоръ Николай I, посѣтивъ гимназіи въ Ригѣ и Ревелѣ, нашёлъ, что занятія въ нихъ русскимъ языкомъ не идугъ такъ успѣшно, какъ слѣдовало бы. Въ 1837 году было объявлено Высочайшее повелѣніе, чтобы по истеченіи трехъ лѣтъ никто изъ уроженцевъ Остзейскихъ губерній не былъ опредѣляемъ учителемъ въ гимназію или училище, если не будетъ способенъ преподавать свой предметъ на русскомъ языкѣ; повелѣно было также не удостоивать никого университетскаго диплома безъ достаточнаго знанія государственнаго языка, а также не выдержавшихъ экзамена въ знаніи русскаго языка не принимать въ студенты Дерптскаго университета. Однако, исполненіе указа было вдругъ отложено до 1845 года съ цѣлю, какъ сказано въ министерскомъ распоряженіи, дать созрѣть и развиться въ должномъ устройствѣ новымъ порядкамъ. Изъ донесенія прибалгійскаго генералъ-губернатора въ 1848 году министру внутреннихъ дѣлъ видно, что знаніе русскаго языка въ это время между всѣми сословіями края, не исключая и лицъ, окончившихъ полный курсъ наукъ въ Дерптскомъ университетѣ, было недостаточное. 3 января 1850 года было Высочайше утверждено положеніе комитета министровъ о введеніи дѣлопроизводства въ краѣ на русскомъ языкѣ, но привести его въ дѣйствіе представлялось очень затруднительнымъ, такъ какъ воспитанники нѣмецкихъ учебныхъ заведеній края не получали достаточнаго познанія въ государственномъ языкѣ, школъ же русскихъ было до обиды мало. Всего имѣлось по одному низшему учебному заведенію: въ Ригѣ (нынѣ городское училище императрицы Екатерины II) и Ревелѣ, основанныхъ еще при императрицѣ Екатеринѣ II, въ Дерптѣ (Юрьевѣ) и Якобштадтѣ, открытыхъ въ 1739 году, и въ Митавѣ, открытомъ въ 1841 году, да нѣсколько школъ грамотности. Русскихъ среднихъ учебныхъ заведеній въ краѣ совсѣмъ не было.

XI.

Въ періодъ нѣмецкаго засилья русская общественная жизнь функционировала въ Прибалтійскомъ краѣ очень слабо. Даже въ Ригѣ, въ которой въ концѣ шестидесятихъ годовъ прошлаго столѣтія насчитывалось до 30 тысячъ русскихъ, незамѣтно было проявленія общественности. „Русскіе — пишетъ объ этомъ времени газета „Рижскій Вѣстникъ“ (1869 г., № 1) — были разрознены между собой вѣрованіями, занятіями, воспитаніемъ и даже убѣжденіями, и вслѣдствіе этого затерялись между инородческимъ населеніемъ Риги. Купцы чуждались приказчиковъ, старообрядцы недовѣрчиво относились къ православнымъ, служащіе едва знали о существованіи русскихъ въ Ригѣ“.

Общественныя выступленія русскихъ начались группировкой ихъ по профессіямъ. Въ 1859 году въ Ригѣ были основаны два русскихъ общества: Николаевское вспомогательное купеческое общество и вспомогательное общество русскихъ приказчиковъ.

Рядомъ съ этимъ въ средѣ мѣстной русской интеллигенціи возникла мысль объ устройствѣ всеобщаго общества. Въ 1862 году русскіе люди, празднуя въ Ригѣ тысячелѣтіе Россіи, собрались на всеобщую вечернюю бесѣду, которая и послужила основаніемъ ряда другихъ такихъ же собраній. Участники „всесловныхъ бесѣдъ“ выдвинули задачу созданія въ Ригѣ такихъ общественныхъ учреждений, которыя могли бы служить прочному объединенію разрозненныхъ членовъ русскаго общества и усиленію въ нихъ національнаго духа. На первой бесѣдѣ было собрано около 650 руб. пожертвованій для учрежденія русской народной библіотеки. Вскорѣ было рѣшено приобрѣсти общественный домъ „Улей“, основать „Русскій Клубъ“, русское благотворительное общество, общества пѣнія „Баянъ“ и „Ладо“. Въ 1864 г. былъ торжественно открытъ „Русскій Клубъ“, ставшій цен-

тромъ многихъ русскихъ культурныхъ начинаній въ Ригѣ. Въ это время рижское русское общество вездѣ отождествлялось съ „Русскимъ Клубомъ“. По ходатайству „Русскаго Клуба“ были открыты въ 1868 и 1869 гг. въ Ригѣ русскія гимназіи: мужская Александрѣвская и женская Ломоносовская. Въ этотъ же періодъ времени въ Ригѣ основались слѣдующія русскія учрежденія: Русская рижская ремесленная артель (1868 г.), Третье рижское общество взаимнаго кредита (1869 г.), Русскій литературный кружокъ (1873 г.), газета „Рижскій Вѣстникъ“ (1869 г.), органъ, ставшій на стражѣ русскихъ интересовъ на балтійской окраинѣ; въ это же время начата постройка Садовниковской богадѣльни (1876 г.).

Главными русскими общественными дѣятелями этого времени были: С. Н. Шафрановъ, извѣстный въ свое время педагогъ, тогда учитель рижской губернской гимназіи; П. М. Николичъ, учитель русскаго яз. митавской губернской гимназіи, впоследствии попечитель Казанскаго учебнаго округа; П. А. Александровъ, цензоръ; Е. В. Чешихинъ, основатель газеты „Рижскій Вѣстникъ“ и первый ея редакторъ; архимандритъ Ефремъ, ректоръ рижской духовной семинаріи; архимандритъ Серапіонъ, инспекторъ классовъ той же семинаріи; С. А. Шаринъ, преподаватель семинаріи; купцы Ф. У. Пальцевъ, И. А. Шутовъ, М. С. Семеновъ, братья Камарины, Е. Я. Осиповъ и др. извѣстныя въ Ригѣ купеческія фамиліи. Пресвященный Платонъ, архіепископъ рижскій и митавскій, также оказалъ содѣйствіе молодому обществу, равно какъ и тогдашній прибалтійскій генераль-губернаторъ П. П. Альбединскій.

Съ основаніемъ „Русскаго Клуба“ кружокъ русской интеллигенціи сталъ устраивать въ обществахъ: „Ладо“ и „Баянъ“ любительскіе спектакли; это подготовило почву для основанія „Драматическаго общества“, которое съ 1871 г. стало приглашать въ Ригу русскія драматическія труппы.

XII.

Началомъ правильной постановки русскаго дѣла на Прибалтійскомъ поморьѣ слѣдуетъ считать 1882 годъ, когда императоръ Александръ III повелѣтъ соизволилъ сенатору тайн. сов. Н. А. Манасеину произвести подробную ревизію Лифляндской и Курляндской губерній. Воспользовавшись такимъ благопріятнымъ моментомъ, русскіе рижане подали тогда Н. А. Манасеину докладную записку о положеніи дѣлъ въ краѣ. Въ запискѣ были изложены не только текущія нужды края, но и намѣчены тѣ способы, которые могутъ служить цѣлямъ единенія Прибалтійскихъ губерній съ остальной Россіей. Черезъ нѣкоторое время такія же записки были поданы оберъ-прокурору св. Синода, министрамъ внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, попечителю Дерптскаго учебнаго округа.

Ближайшимъ слѣдствіемъ сенаторской ревизіи Манасеина было то, что правительство принялось за энергичное проведеніе въ Прибалтійскомъ краѣ реформъ. Въ 1883 году было введено преподаваніе на русскомъ языкѣ въ юрьевскомъ (тогда дерптскомъ) ветеринарномъ институтѣ. Съ 1884 года начали учреждать, а также преобразовывать изъ нѣмецкихъ училищъ городскія училища по положенію 31 мая 1872 года. Затѣмъ было приступлено къ постепенному введенію чтеній лекцій на русскомъ языкѣ въ юрьевскомъ университетѣ. Въ 1886 году состоялся указъ о передачѣ въ вѣдомство министерства народнаго просвѣщенія всѣхъ сельскихъ ев.-лютеранскихъ школъ и учительскихъ семинарій края; въ слѣдующемъ году были учреждены должности директора и 4 инспекторовъ народныхъ училищъ. (Теперь въ округѣ 3 директора и около 25 инспекторовъ).

Нѣмецкое дворянство отвѣтило на указъ 1886 года закрытіемъ содержимыхъ ими школъ и семинарій. Тогда правительствомъ стали открываться семинаріи, министер-

скія школы, гимназіи, реальныя училища и въ 1889 году было введено во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ края преподаваніе всѣхъ предметовъ на русскомъ языкѣ.

Эта послѣдняя реформа заставила инородцевъ серьезно приняться за изученіе русскаго языка, и съ той поры возможно было ввести во всѣхъ учрежденіяхъ Прибалтійскаго края государственный языкъ, въ томъ числѣ и въ городскихъ думахъ.

Ревизія сенатора Манасеина оживила русскую общественность въ краѣ, а слѣдовавшія за нею реформы открыли доступъ сюда русскому служилому классу и русской интеллигенціи. Въ 1888 году была реорганизована въ мѣстномъ краѣ полиція на общегосударственныхъ началахъ. Новая полиція замѣнила прежнюю вотчинную, служившую въ рукахъ мѣстнаго дворянства органомъ воздѣйствія на крестьянскую массу. Въ 1889 году была проведена въ краѣ судебная реформа, давшая населенію русскій гласный судъ, вмѣсто негласной канцелярщины старыхъ нѣмецкихъ судовъ. Одновременно былъ освобожденъ крестьянскій волостной судъ отъ опеки помѣщиковъ. Между прочимъ поднятію русской общественности на здѣшней окраинѣ способствовалъ переводъ управления Риги-Орловской жел. дор. изъ Орла въ Ригу.

Всѣмъ этимъ были вызваны къ жизни русскіе кружки и общества въ Юрьевѣ, Ревелѣ, Перновѣ, Митавѣ, Либавѣ, не говоря уже о Ригѣ. Въ Либавѣ открылась русская газета „Паровозъ“ (скоро закрывшаяся), въ Митавѣ „Прибалтійскій Край“ (недолго существовавшій), въ Юрьевѣ „Прибалтійскій Листокъ“ (перешедшій потомъ въ Ригу); въ Ригѣ стали выходить одновременно нѣсколько печатныхъ органовъ. Здѣсь же, въ Ригѣ, былъ сооруженъ православный кафедральный соборъ, созданъ постоянный русскій театръ, открылось Русское общество просвѣщенія и пр., и пр.

Все это служитъ показателемъ того, что направленіе, взятое ревизіей Манасеина и слѣдовавшими за нею ре-

формами, исходило изъ вѣрныхъ началъ и вело къ поднятію въ краѣ русской общественности и усиленію органической связи окраины съ коренной Россіей. Начала эти — тѣ же, что въ послѣднее время выдвинуты русскимъ національнымъ движеніемъ, именно: подчиненіе мѣстныхъ интересовъ тамъ, гдѣ этого требуетъ государственная необходимость, высшимъ національно-государственнымъ цѣлямъ, тѣмъ цѣлямъ, во имя которыхъ строилось единое русское государство.

Ожидающія свою очередь аграрная, земская и церковная реформы должны также слѣдовать этимъ цѣлямъ для того, чтобы сыграть роль заключительнаго звена въ рядѣ предыдущихъ мѣропріятій и тѣмъ создать прочную и тѣснѣйшую связь Прибалтійскаго края съ великой Россіей.

Est A-12178

TÜ RAAMATUKOGU

1 0300 00761962 2

Цѣна 10 коп.
